

Политический романтизм Карла Шмитта

Александр Филиппов*

Аннотация. Статья представляет собой фрагмент послесловия к выходящей в издательстве «Праксис» книге Карла Шмитта «Политический романтизм». Эта работа — первое сочинение Шмитта, привлекшее широкий интерес читающей публики, в нем содержатся многие идеи, развитию которых он посвятил всю свою научную жизнь. Однако «Политический романтизм» невозможно понять вне контекста — как контекста эпохи, так и контекста интеллектуальной и политической биографии Шмитта. Прежде чем стать критиком романтизма, Шмитт проходит период увлечения романтизмом. Этот романтизм молодого юриста и является основной темой данной статьи.

Ключевые слова. Шмитт, Дейблер, политическая теология, Гегель, активизм.

...И вообще немецкий романтизм, о котором не так давно говорили, что его нужно преодолеть, — это огромный резервуар, где находится духовный исток всего, что не склонно к плоской и пошлой точности мысли: «творческое развитие», «абстракция и вчувствование» — все это с беззаботностью предвосхищают романтики.

Карл Шмитт. «„Северное сияние“
Теодора Дейблера» [21, S. 12]

Книга о политическом романтизме¹ занимает особое место в творчестве Карла Шмитта. Она впервые принесла ему по-настоящему широкую известность, в том числе и за пределами Германии². Шмитт начал публиковаться очень рано и писал много, его труды были встречены хорошо, но 1919 г. — время переломное, начало взлета и вместе с тем — расчета с прошлым. Таков этот год в судьбе Шмитта и в истории его страны.

В 20-е гг. Веймарская Германия обрела устойчивость и, внушив было надежды на нормализацию порядка тем, кто смел и желал надеяться, десятилетием позже устремилась к катастрофе. «Политический романтизм» появился накануне этой поры надежд и опасений, когда *все перевернулось и только-только устравалось*. Только что кончилась война, внезапным и тяжелым поражением, произошла Ноябрьская

* Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ, filippovaf@gmail.com

© Филиппов А., 2010.

¹ Ниже название книги повсюду в тексте заменено аббревиатурой *ПР*. При цитировании номера страниц в круглых скобках отсылают к источнику: [20].

² В 20-е гг. только ее одну из всех его работ перевели и издали во Франции, где она вызвала живой интерес.

революция, покончившая с монархией, а в Мюнхене, где жил Шмитт, возникла и погибла, просуществовав несколько недель, Баварская Советская республика. В этой исторической среде молодой юрист, склонный к несколько экстравагантному поведению³ и богемному образу жизни⁴, написал книгу, в которой расквитался со своим романтическим существованием и сделал выбор в пользу серьезности.

I

Образ, родившийся в иные времена из неописуемого ужаса перед неизбежным могуществом зла, появляется вновь, теперь уже как сбывшееся пророчество об Антихристе. Что ужасает в нем? Почему его приходится опасаться больше, чем могучего тирана, Тамерлана или Наполеона? Потому что он умеет подражать Христу и уподобляется ему настолько, что выманивает себе все души. Он покажет себя дружелюбным, корректным, неподкупным и разумным, все станут хвалить в нем счастье человечества и говорить: какой замечательный, справедливый человек!

*Карл Шмитт. «Северное сияние»
Теодора Дейблера» [21, S. 61]*

Присмотримся внимательнее к этому повороту. *PP* можно считать последней книгой предшествующего периода, замыкающей целую эпоху в творчестве раннего Шмитта, или первой книгой, открывающей Шмитта таким, каким он предстает в своих эпохальных сочинениях вроде «Духовно-исторического состояния современного парламентаризма» или «Понятия политического», но в любом случае ее следует поместить в контекст прочих его трудов. Ранние книги Шмитта написаны преимущественно на юридические темы. Начало было положено его первой диссертацией о видах вины [22], за ней последовала замеченная не только юристами, но и философами кни-

³ Моя аномальность принесет мне много хлопот, говорит Шмитт. Ведь это — искусственная конструкция, одна из множества моих манер. Мне удастся, благодаря уму и эластичности, придерживаться ее наряду с другими, которые у меня тоже в ходу. Но сколько сил на это растрачивается впустую, как это утомляет в перспективе! Когда я стану старым и слабым, притворяться уже не смогу. См.: [14, S. 176].

⁴ «За всю мою долгую жизнь юриста, — писал Шмитту его старший коллега и покровитель ам Цеенхоф, — я не встречал человека, у которого было бы больше порядка в мыслях и понятиях, чем у Вас, но также и ни одного, у кого было бы больше беспорядка и неразберихи в частной жизни». Шмитт цитирует эти слова в дневниковых записях, вошедших в знаменитый «Глоссарий», их также выносит в качестве эпиграфа к Введению издатель его ранних дневников Эрнст Хюсмерт. См.: [19, S. 168]. Ср.: [6, S. 1]. Правда, образ жизни Шмитта поменялся в 1915 г., когда он женился, сдал квалификационный экзамен на должность, готовясь к юридической карьере, и в связи с войной оказался в армии. По здоровью он был негоден к отправке на фронт и остался в Мюнхене. Несмотря на то, что в 1916 г. Шмитт получает приглашение в Страсбургский университет в качестве приват-доцента, уйти из армии окончательно ему не удается до июля 1919 г. Службу в армии, особенно первое время, он переносил тяжело.

га «Закон и приговор» [18]⁵, а последней публикацией в этом ряду стала «Ценность государства и значение индивида» [13], переизданная в 1917 г. и представленная для габилитации (защиты диссертации, дающей право на профессию). Об этих сочинениях, в которых обозначилось расхождение Шмитта с господствовавшей в Германии традицией кантианской философии права, следовало бы писать отдельно⁶. Укажем только на то, что Шмитт уходит от традиционных для Германии того времени разговоров о значимости права, его догматике и логике, к вопросам *реальности* права и, что еще важнее, реальности государства⁷.

Книга о политическом романтизме связана с ними множеством тонких нитей. Однако более важно, пожалуй, другое. Юриспруденция, философия права и государства в эти годы — только одна сторона интеллектуальной жизни Шмитта. Не менее, а быть может, и более важными являются для него поэзия, музыка и религия. В 1913 г., вместе с Фрицем Эйслером, погибшим через год на войне другом, Шмитт, под псевдонимом *Иоганн Негелин* (заимствованным из «Писем темных людей») выпускает сатирический сборник «Силуэты»⁸, в 1916 г. публикует брошюру, посвященную интерпретации философской поэмы своего старшего друга Теодора Дейблера⁹ «Северное сияние», к 1917 г. относится его работа о видимой церкви [15, S. 71–80, переиздано 14, S. 445–452], первое значительное сочинение по политической теологии, а в 1918 г. появляется сатирическое «философско-историческое» исследование о *бурибунках* — существах с широким ртом, постоянно ведущих дневники [12, S. 89–106]¹⁰.

«Политический романтизм» Шмитт пишет, по его собственному утверждению, в 1917–18 гг., почти сразу же по выходе «Северного сияния». Мы остановимся сейчас на этой небольшой книге. Пожалуй, ни одно другое сочинение Шмитта не позволяет так ярко представить тот радикальный поворот, который свершился в его мировоззрении в течение немногих лет. Истокование визионерской поэмы Дейблера могло быть под силу только искушенному знатоку. Шмитт был таким знатоком, с Дейблером он познакомился в 1911 г. и проводил с ним вместе много времени. Позже, в «Глоссарии» Шмитт напишет: Дейблер «принадлежал к той чудовищной среде, в которой я завяз уже в 1912 г. и оставался в ней до 1919 г. <...> Я был слишком наивным и деревенским» [19, S. 28]. Не будем придавать этим словам слишком большого значения, в том

⁵ Книга переиздана с новым предисловием, в котором Шмитт указывает на то, что в этой книге впервые поставил в центр внимания проблему *решения*, которая впоследствии стала главной в его знаменитом «децизионизме» [17, S. VI].

⁶ См. сжатое изложение и общее введение в проблематику в добротной книге Эллен Кеннеди [8, Ch. 3].

⁷ В сходном направлении двигался в те годы Макс Вебер, в статье о Р.Штамлере предложивший социологическую критику чисто юридического подхода. См.: [24, S. 291–359].

⁸ Подробный анализ этой книги, сопровождающий переиздание текста, см. в: [23]. Несколько очерков — о Вальтере Ратенау, Томасе Манне, Рихарде Демеле и др. — напечатаны в виде приложения к ранним дневникам. См.: [14, S. 333–344].

⁹ Дейблер сравнительно мало переводился на русский язык и был известен у нас при жизни преимущественно как художественный критик и теоретик искусства. См. его статью в сборнике: [1].

¹⁰ Переиздано в: [14, S. 453–471]. Это насмешка над романтическим существованием, не лишенная самоиронии: Шмитт постоянно вел дневники и вообще отличался склонностью документально фиксировать все события своей жизни.

же «Глоссарии» отсылок к Дейблеру, цитат из Дейблера и рассуждений о нем больше двух десятков. В начале 1948 г. Шмитт пишет знаменитому юристу Рудольфу Сменду: «Адекватный поэт — не Рильке, но Дейблер» [19, S. 77]. И через несколько месяцев повторяет то же самое [19, S. 141]. В 1950 г. Шмитт выпускает небольшое собрание работ, написанных в заключении, в самые тяжелые послевоенные годы. Дейблеру, наряду с другим любимым поэтом Шмитта Конрадом Вейсом, он посвящает здесь эссе «Две гробницы» [16, S. 45–53]. Спустя десятилетия Шмитт настоятельно рекомендует «Северное сияние» Хансу Блюменбергу. «Я, — пишет Шмитт, — читал его много раз, бесчисленное множество стихов — сотни раз...» [4, S. 142]. По свидетельству Хюсмерта, незадолго до кончины Шмитт, страдавший старческой деменцией, воображал себе угрозу со стороны одной из фигур «Северного сияния» и вновь цитировал эпос [5, S. 52]¹¹. Насколько же значительным должно было оказаться влияние Дейблера на Шмитта в 10-е гг.! Уже в 1912 г. он пишет статью о Дейблере, которая так и не увидела свет. Книга о «Северном сиянии» запланирована в 1914 г., но появляется лишь двумя годами позже. Почти пять лет Шмитт стремится публично высказать свое понимание поэзии Дейблера, связать свое понимание эпохи и критику культуры с интерпретацией его стихов¹². Что же он, в конце концов, говорит?

Шмитт говорит о *романтизме* как необъятном ресурсе (мы вынесли эти слова в эпиграф), о романтической натурфилософии как одном из важнейших источников «Северного сияния»; он утверждает: «В „Северном сиянии“ романтический порыв истолковывать (природу и историю. — А. Ф.) господствует цельно и непосредственно. <...> Что касается содержания... корни этого сочинения уходят в романтизм» [21, S. 16–17]. Писать о Дейблере, замечает Шмитт, тяжело, он поэт-мыслитель, но мысли его сразу превращаются в образы и развиваются по логике образа, связываются согласно «иррациональному ритму картины или симфонии, а не дискурсивно-систематическим правилам» [21, S. 36]. Художественное преодоление огромного философского и культурно-исторического материала идет так, что «переживаемый с яростной интенсивностью видения процесс в самый миг переживания пересоздается в картину, и лишь затем становится стихом. Таким образом, возникает эволюция зримых образов (*Bilder*), беспримерная *pictura poesis*» [21, S. 36], язык «пересоздается в чисто художественное средство» [21, S. 40]. Именно в отношении к языку, продолжает Шмитт, кроется главная трудность для современного читателя. Раскрывая «Северное сияние», он находит там множество банальностей, временами красоты или мудрость, которые, однако, теряются среди этих банальностей. Если бы Дейблер был обычным смышленным писателем, стремящимся к взаимопониманию с публикой, он бы, конечно, писал по-другому. Но дело в том, что Дейблер — писатель необычный, до публики ему нет дела. Это сказывается в том, что он пренебрегает коммуникативной функцией языка, отказывается от «натурализма повседневного средства достижения согласия» [21, S. 47].

¹¹ На это обращает внимание новейший биограф Шмитта. См.: [11, S. 576].

¹² В «*Ex captivitate salus*» Шмитт называет свою трактовку Дейблера в работе 1916 г. «еще юношеской» и «христианской» и говорит, что хотя сам поэт великодушно не стал ее оспаривать, подлинный смысл «Северного сияния» открылся ему лишь много позже, в конце 30-х гг.

Однако же Дейблер также и *сообщает* нечто. Он повествует о символическом движении, которым в первой части оказывается движение человеческого «Я», проходящего через великие культурные столицы — Флоренцию, Венецию, Рим, а во второй — движение человечества, с юга, из Сахары, через Индию и Иран, к Арарату и дальше на север, к северному сиянию. Цель и завершение этого движения — дух, обретение нового неба и новой земли. Шмитт цитирует Дейблера:

Ландшафт северного сияния превосходит все самые возвышенные мечты,
И все вещи начинают петь свою песнь.
Вещность мертва. Слово наполняет пространство.
В существе своем я слышу звучание мирового света.
Кольшется, летит, поет светлая пена звезд,
Слово гремит в полноте изначального корня.
Оно поет. Оно звенит. Оно поет себя самое. Рождает поэтов.
Дух будет снова привыкать к слову [21, S. 51].

Тут Шмитт считает уместным вспомнить Гегеля. Мышление Дейблера он называет «почти гегелевским», ибо дух, по Дейблеру, это дух познающий, а не только любящий, следующая, высшая ступень (в космогонии, возвышающаяся над природой, как в гегелевской системе). Ведь «панлогизм шваба Гегеля есть в сущности лишь вера, вера в человеческое мышление, в разумность всего бытия, во внутреннюю доброту природы, в человечество, его историю и его развитие» [21, S. 51–52]. Шмитт развивает эту мысль: «Таково значение универсальности северного сияния. Оно начинается внешним образом с пересоздания земли, в действительности же — не с чего иного, как с веры, что все добро и все имеет смысл. Не-кантовское, после-кантовское и до-сократическое состоит в вере в то, что природа добра и человек „по природе добр“». Несомненно, эта вера ставит всему зримому исполненный доверчивости вопрос и получает на него достойный доверия ответ; вера, которая не опирается на других людей, не социологический феномен, не нечто *ad alterum*, скорее нечто, что делает одиноким, зато дарит весь мир» [21, S. 53]. В конце всех вещей, поясняет Шмитт еще раз, находится дух, познание, гносис, *visio Dei* [21, S. 56]. В конце времен северное сияние прекращает земное движение. Сам по себе человек не может этого добиться, никаким героическим деянием, никакой культурой, никакой планомерной деятельностью. *Последнее* остается даром, царством благодати [21, S. 57].

Книгу Дейблера Шмитт называет в высшей степени актуальной, но не потому что она соответствует времени, а потому что является самым радикальным его отрицанием. Говоря о характере эпохи, Шмитт воспроизводит устойчивые фигуры мысли, принятые в тогдашней критике культуры. Из тех, кто более всего повлиял на него в этот период, называют обычно Вальтера Ратенау, однако критику *механического* характера времени можно найти у многих авторов. Притом Шмитт — один из очень немногих, кто языком критики культуры говорит с радикальных теологических позиций. «...Рассудок освобождается ото всех оков, ничто не мешает ему следовать своему рационализму; цель его — познание земли с целью овладения ею. Золото становится деньгами, деньги — капиталом, и вот — начинается опустошительный бег рассудка, все увлекающего своим релятивизмом. Насмешливо, остротами и пушками он по-

давляет восстание бедных крестьян и, наконец, скачет по земле как один из тех всадников Апокалипсиса, что предшествуют воскресению плоти» [21, S. 66–67]. Шмитт готов описать эпоху как царство Антихриста или приближение этого царства. Именно поэтому, говорит он, книга Дейблера — не для тех, кем владеет часто свойственное сегодня самым лучшим из современников настроение глубокого недоверия миру и людям. «Знатоки» мира и людей чувствуют всюду обман, сомневаются в том, можно ли еще различить Христа и Антихриста [21, S. 70]. Люди этой эпохи хотят, чтобы о них писали, они любят свое состояние сомнения. Они не хотят деяния, не хотят насилия, чтобы завоевать Царствие небесное. Такой огромный труд, такое духовное свершение, каким является «Северное сияние», им не по нраву. Он настолько масштабен, что превышает все возможности «проявить понимание», «отнестись терпимо», «оценить дарование». Случай Дейблера — совершенно другой, и только это имеет теперь значение.

Мы видим, что Шмитт выступает в этом сочинении как апологет романтизма¹³. Попробуем свести вместе отдельные его замечания. Итак: «Северное сияние» — это всецело романтическое творение. В нем описано движение. Траекторию движения можно выстроить, проводя линию между остановками на пути к северу. Она будет иметь форму эллипса, и эту форму Шмитт истолковывает, привлекая натурфилософию «романтического ученого» Мальфати де Монтереджо [21, S. 12–15], не принятую и даже не замеченную в науке. Дейблер же, как и романтики, — противник «плоской и пошлой точности». Язык поэзии и вообще не должен быть сухим и точным, но Дейблер почти полностью лишает его коммуникативной функции. В противостоянии гения и вкуса Шмитт вместе с Дейблером выбирает сторону романтического гения. Поэзия Дейблера как романтическая поэзия не должна доносить внятное, выражаемое в рассудочных формулах содержание. Рассудочная жизнь публики — это жизнь механического, основанного на калькуляции, изверившегося века. Художественный гений способен к подлинному постижению истины и самому радикальному преобразованию существующего; попирая рассудок и неверие, он стяжает новое небо и новую землю.

Три момента привлекают здесь особенное внимание. Во-первых, Шмитт предстает в «Северном сиянии» сторонником того характерного для начала века активизма, который пренебрежение рассудком и научной точностью связывал с радикальными преобразованиями не только общества и человека, но и всего мироздания. Шмитт туманно говорит о «космической этике» и о том, что «северное сияние — это семя, струящееся в мировое пространство» [21, S. 12]. Во-вторых, Шмитт отождествляет либеральные добродетели гуманизма, терпимости, такта и многое другое в том же духе с царством Антихриста¹⁴. Наконец, в-третьих, апокалиптическое видение современности сочетается у Шмитта с утверждениями о по природе добром человеке. Напомним, Шмитт прямо называет эту позицию не-кантовской, после-кантовской и до-сократической. Несмотря на то, что эти определения далее не расшифрованы,

¹³ Это, заметим, не дает основания называть его «романтическим автором». Политико-юридические сочинения Шмитта в этот период вряд ли можно назвать романтическими.

¹⁴ Возможно, здесь сказывается влияние Владимира Соловьева, которого Шмитт увлеченно читал в начале 1915 г.

можно предположить, что против Канта здесь работает у Шмитта прежде всего несогласие усматривать в человеческой природе «изначальное зло». Шмитт не мог бы согласиться и с подчиненным положением «физической теологии», поскольку она не подкреплена «этической теологией»¹⁵. До-сократическим, видимо, следует считать отказ дистанцироваться от своих побуждений и привычек действия, не подвергнутых испытанию разумом и не подкрепленных выдержавшими публичную дискуссию аргументами. Имя Гегеля не случайно всплывает в этом контексте. Мы можем удивляться тому, что он оказывается у Шмитта на стороне романтизма, но панлогизм Гегеля истолкован Шмиттом как «вера в человеческое мышление» и «доброту природы».

Шмитт, таким образом, оказывается очень чувствителен к той составляющей гегелевской философии, которую подчеркивали, конечно, и другие его современники, повторившие и в некотором роде завершившие путь немецкой мысли от Канта к Гегелю, который незадолго до кончины пророчески очертил Вильгельм Виндельбанд. Прочитируем философа, традиционно причисляемого к так называемым *правым неогегельянцам*. В самом начале 20-х гг. Рихард Кронер в книге «От Канта к Гегелю» пишет о немецких классиках романтической поры: «Что-то веяло в ту эпоху, подобно эсхатологическим надеждам времен первоначального христианства; теперь или никогда забрезжит день истины, он близок, мы призваны его приблизить» [9, S. 1–2]. В примечании к этому месту Кронер цитирует письмо Гегеля Шеллингу, написанное в январе 1795 г.: «Да придет Царствие Божие, и да не будем мы при том празднично сидеть, сложа руки!» [9, S. 2. Fn. 1]. Кронер обращает внимание на «гордый тон», который свойствен всему немецкому идеализму и который есть уже у Канта, объявляющего о новой эпохе в теоретическом познании. Однако цитаты, которые он подбирает — из Фихте, Шеллинга, Якоби, — свидетельствуют не о гордости за прогресс теоретического знания. «Достаточно только, — говорит Кронер, — прочитать первые сочинения Шеллинга, чтобы на вас дохнуло жаркое дыхание пророческой веры, которой отличаются эти годы. Убежденность в том, что новое Евангелие явилось в мире, эхом отзывается с каждой страницы этих сочинений» [9, S. 3]. Кронер дальше снова цитирует Гегеля, его вступительную лекцию в Гейдельберге: «Человек, поскольку он есть дух, может и должен считать себя достойным высшего, о величии и силе своего духа он может думать лишь в наипревосходнейшей степени... Сокрытая и закрытая сущность универсума не имеет сил противостоять мужеству познания...» [9, S. 3]. Идеи этой краткой эпохи, заключает Кронер, «будут вечно живы в любом настоящем, которому свойственны духовные стремления...» [9, S. 5].

Другое любопытное свидетельство мы получаем от автора, не менее замечательного. В 1919 г., одновременно с «Политическим романтизмом» Шмитта, появляется — поначалу в качестве диссертации, а на следующий год опубликована в виде книги — работа Вальтера Беньямина «Понятие художественной критики в немецком романтизме» [3]. Во Введении Беньямин ограничивает свою задачу. В этом сочинении, говорит он, мы не намерены обращаться к исторической сущности романтизма и решать историко-философские задачи. Наша постановка вопросов может, правда,

¹⁵ То есть, по Канту, невозможно постижение мира как целесообразного созданного божеством целого, если не принимать в расчет существование и действие в нем человека как морально свободно-го существа. См.: [2; 7].

дать материал и для исследования существа романтизма, но не *точку зрения* для такого исследования. Здесь Беньямин делает примечание: «Возможно, эту точку зрения следовало бы искать в романтическом мессианстве», — пишет он и далее цитирует Ф. Шлегеля: «Революционное желание осуществить Царство Божие есть эластический момент прогрессирующего образования и начало современной истории. Что никак не соотносится с Царством Божиим, есть для нее лишь нечто побочное». И далее, тоже слова Ф. Шлегеля, сказанные в другом контексте, о том, что пришло время основать новую религию: «Это цель всех целей и центральный момент». Беньямин подчеркивает, что и у Шлегеля, и у Новалиса можно найти множество подобных высказываний [3, S. 8–9. Fn. 3].

Мы видим, что суждения Шмитта о романтизме в книге о Дейблере отчасти подобны суждениям его современников, поскольку это касается мессианской, активистской составляющей немецкого идеализма, в том числе романтиков и Гегеля¹⁶. Он пишет вполне в духе времени, возможно, несколько опережая время. Однако за немногие годы меняется очень многое. Несмотря на успех и на внятно выраженное желание самого Дейблера, Шмитт скоро отказывается от планов переиздания брошюры. В 1920 г. это могло только помешать его карьере, полагает новейший биограф [11, S. 86]. Но дело, видимо, не только в карьере и даже не в том, что преклонение Шмитта перед Дейблером поблекло и обетования его эпоса не исполнились. Изменилось нечто более важное: общая точка зрения Шмитта на романтизм.

Литература

1. *Дейблер Т.* Северное утро. Выпуск 1. Петербург, 1922.
2. *Кант И.* Критика способности суждения, § 85–86.
3. *Benjamin W.* Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik. 2. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973.
4. *Blumenberg H., Schmitt C.* Briefwechsel / Hrsgg. v. Schmitz A., Lepper M. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007.
5. *Hüsmert E.* Die letzten Jahre von Carl Schmitt // Schmittiana I. 1988.
6. *Hüsmert E.* Einführung // *Schmitt C.* Tagebücher. Oktober 1912 bis Februar 1915 / Hrsg. v. E. Hüsmert. Berlin: Akademie Verlag, 2003.
7. *Kant I.* Kritik der Urteilskraft, В 400–417.
8. *Kennedy E.* Constitutional Failure: Carl Schmitt in Weimar. Durham, NC: Duke University Press, 2004. Ch. 3.
9. *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. 1. Band: Von der Vernunftkritik zur Naturphilosophie (1921). 2. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1961.
10. *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. 2. Band: Von der Naturphilosophie zur Philosophie des Geistes (1924). Tübingen: Mohr (Siebeck), 1961.
11. *Mehring R.* Carl Schmitt. Aufstieg und Fall. Eine Biographie. München: Beck, 2009. S. 576.
12. *S[chmitt] C.* Die Buribunken // Summa. Eine Vierteljahresschrift. Hrsg. von Franz Blei. Viertes Viertel. Hellerau: Jakob Hegner, 1918. S. 89–106.
13. *Schmitt C.* Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1914.

¹⁶ Свойственные романтическому движению черты «суть одновременно мотивы идеалистического мышления и образования систем», — настаивает Кронер. См.: [10, S. 130. Fn.]

14. *Schmitt C.* Die Militärzeit 1915 bis 1919. Tagebuch Februar 1915 bis Dezember 1915. Aufsätze und Materialien / Hrsgg. v. E. Hüsmert und G. Giesler. Berlin: Akademie, 2005.
15. *Schmitt C.* Die Sichtbarkeit der Kirche. Eine scholastische Erwägung // Summa. Eine Vierteljahresschrift / Hrsg. von Franz Blei. Zweites Viertel. Hellerau: Jakob Hegner. 1917/18.
16. *Schmitt C.* Ex Captivitate Salus. Erfahrungen der Zeit 1945/47. Köln: Greven, 1950.
17. *Schmitt C.* Gesetz und Urteil. München: Beck, 1969.
18. *Schmitt C.* Gesetz und Urteil: Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis. Berlin: Liebmann, 1912.
19. *Schmitt C.* Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951 / Hrsgg. v. Eberhard Frhr. v. Medhem. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.
20. *Schmitt C.* Politische Romantik. Zweite Aufl. München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1925.
21. *Schmitt C.* Theodor Däublers «Nordlicht». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München: Georg Müller, 1916. Unver. Nachdruck. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.
22. *Schmitt C.* Über Schuld und Schuldarten. Breslau: Schlettersche Buchhandlung, 1910.
23. *Villinger I.* Carl Schmitts Kulturkritik der Moderne. Text, Kommentar und Analyse der 'Schattenrisse' des Johannes Nigelinus. Berlin: Akademie, 1995.
24. *Weber M. R.* Stammlers «Überwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 7. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1988.